Эдуард Багрицкий

Знаменитые украинцы

Книга М. Загребельного

FOLIO

Михаил Загребельный

Эдуард Багрицкий

«ОМІКО»

2012

Загребельный М. П.

Эдуард Багрицкий / М. П. Загребельный — «OMIKO», 2012

Биография Эдуарда Георгиевича Багрицкого – поэта, переводчика и драматурга, оказавшего влияние на целую плеяду поэтов. Романтические яркие стихи Багрицкого до сих звучат в песнях. Книги его переиздаются. Творчество поэта вызывает споры и в наши дни.

© Загребельный М. П., 2012
© OMIKO, 2012

Содержание

Предисловие 5
Одесса. «Стучал сазан в оконное стекло; Конь щебетал; В ладони ястреб падал; Плясало дерево. И детство шло». 1895–1905 7
Отрочество. «Эдины штучки». Второгодник. Птицелов. 1905–1913 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

М. Загребельный
Эдуард Багрицкий

Предисловие

«Думу про Опанаса» – поэму о гражданской войне на Украине, которая разгорелась начиная с 1918 года, Эдуард Багрицкий создал стилем украинских народных песен. За образец он взял «Гайдамаки» Тараса Шевченко, который эту поэму о «колиивщине» – гражданской войне 60-х годов XVIII столетия, посвятил Василию Григоровичу, своему преподавателю теории изящных искусств. Григорович наставлял учеников: «Побольше рассуждать и поменьше критиковать». В предисловии к «Гайдамакам» Кобзарь пишет: «Серце болить, а розказувать треба: нехай бачать сини й онуки, що батьки їхні помилялись, нехай братаються знову з своїми ворогами».

В поэме Багрицкого смертный приговор махновцу Опанасу выносят в штабе большевиков в городке Балта. «Балта – городок приличный, / Городок что надо…» Когда Балту захватили петлюровцы, всех родных красноармейца Самуила Шварцбальда, шестнадцать человек, уничтожили. В мае 1926 года в Париже Самуил из Балты отомстит Петлюре. В июне 1926 года в Москве газета «Комсомольская правда» печатает первые три главы «Думы…». В июне 1926 года Пленум ЦК Компартии большевиков Украины в Харькове обсуждает итоги украинизации. Одессу покинули Хаим Бялик, Владимир Жаботинский, Яков Фихман. Они стали мировыми классиками. А кто знает их сегодня на Украине? Багрицкий с друзьями – поэты, прозаики, их «Коллектив поэтов», объединение художников-одесских парижан – уехали навсегда. Кто выбрал Москву, кто – евроатлантические города и веси, кто отплыл в Палестину. Из одесских классиков до конца, до последнего держался Эдуард Багрицкий. Но и он в августе 1925 года вынужден был сесть в поезд «Одесса – Москва». Культработник на джутовой фабрике элементарно нуждался, не в состоянии был прокормить жену и трехлетнего сына.

«В каких-нибудь три года (1924–1927), почти одновременно, кумирами читателей стали Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий, Юрий Олеша, Валентин Катаев, Илья Ильф и Евгений Петров, Вера Инбер, Семен Кирсанов. Рядом с этими, знаменитыми и поныне писателями, работали менее крупные авторы, почти забытые, но совершенно необходимые в культурном контексте времени – Сергей Бондарин и Семен Гехт, Аделина Адалис и Зинаида Шишова, Татьяна Тэсс и Семен Олендер, Виктор Финк и Осип Колычев. Никто не собирался возрождать Одессу, – размышляет современный одесский филолог Елена Каракина. – Ни в чьи планы это не входило. Строительство нового мира – да, это планировалось. А возрождение города – чересчур свободного, чересчур языкатого, чересчур богатого и своеобразного – извините, никак нет. Тем более, что во время неразберихи властей или, говоря современным языком, разборок между ними, прозвучала мысль о создании Черноморской республики со столицей в Одессе. И было сделано все, чтобы никому никогда больше не пришло в голову объявлять Одессу столицей… Так настало время великого рассеяния одесситов по всему миру. Уехали сионисты, пианисты, дантисты, карикатуристы, профессора, фельетонисты, шансонетки, предприниматели, меценаты, архитекторы. Уехали, чтобы преподавать в университетах Берлина, Парижа, Буэнос-Айреса, уехали строить Тель-Авив и Хайфу, писать для эмигрантских газет и журналов, придумывать пышные декорации для оперных подмостков. Мир, конечно, от этого только приобрел, да Одесса потеряла».

Украинизация, своего рода холодная гражданская война, продолжается по сей день на Украине. Французский суд давным-давно оправдал мстителя Самуила из Балты. А героев «Думы…», отринув заветы Шевченко увидеть ошибки отцов, по сей день продолжают судить,

разделять на идейно выдержанных героев и врагов. На страницах ксенофобских писаний ходит гоголем скакун под Паньком из Балты. Красуется Опанас, отведав молодого вина, в шубе с мертвого раввина, с бомбой и обрезом. Он – герой для правильных украинцев. А остальные – враги. «Вы говорите на вражеском языке», – так на недавней книжной выставке в Киеве мне лично заявил благообразный пожилой книголюб.

В 1929 году в стихотворении «Вмешательство поэта» Эдуард Багрицкий передал привет поколениям своих грядущих критиков. Те возглашают: «Прорычите басом, / Чем кончилась волынка с Опанасом…» Поэт берет слово.

Через дорогу, в хвойном окруженье,
Я двигаюсь взлохмаченною тенью,
Ловлю пером случайные слова,
Благословляю кляксами бумагу.
Сырые сосны отряхают влагу.
И в хвое просыпается сова.
Сопит река.
Земля раздражена
(Смотри стихотворение «Весна»).

Слова как ящерицы – не наступишь;
Размеры – выгоднее воду в ступе
Толочь; а композиция встает
Шестиугольником или квадратом;
И каждый образ кажется проклятым,
И каждый звук топырится вперед.
И с этой бандой символов и знаков
Я, как биндюжник, выхожу на драку
(Я к зуботычинам привык давно).

Одесса. «Стучал сазан в оконное стекло; Конь щебетал; В ладони ястреб падал; Плясало дерево. И детство шло». 1895–1905

Преддверие XX века. Одесса, Базарная улица, 40. В скромной квартире обитают Годель Мошкович Дзюбан и его супруга – Ита Абрамовна. 3 ноября 1895 года у них рождается сын. Мама выбирает ему имя Эдуард – она зачитывается переводными романами, и в одном из них ей приглянулось имя польского графа.

Годель Мошкович был, как сейчас принято говорить, мелким предпринимателем. В обильные времена держал мелкую лавочку. В скудные – служил продавцом, приказчиком в магазине готового платья. Эдуард Багрицкий в «Стихах о поэте и романтике» повествует о романтике в образе женщины. Романтика в июльскую ночь является на свидание к поэту, сыну продавца. На год раньше Эди на Молдаванке увидел свет Исаак Бабель.

Отец Эди в справочнике «Вся Одесса» в 1912–1914-х значится как Дзюбан. В суматохе грядущего в его фамилии некий писарь изменит предпоследнюю гласную на «и». Годель Мошкович уйдет из жизни в 1919 году в возрасте примерно 60 лет. Он был невысоким, рано полысел, набрал лишний вес. Передал сыну в наследство одну свою страсть: он подарит маленькому Эде клетку с певчей птицей. Это стало одним из ярких впечатлений ребенка. Свою первую книгу – «Юго-Запад» – Багрицкий решится издать только в 1928 году. Ее откроет стихотворение «Птицелов».

Ростом, статью, яркой, запоминающейся внешностью Эдуард пойдет в маму. Ита Абрамовна, в девичестве Шапиро (1871–1939), была высокой сухощавой брюнеткой, рано поседевший – как и позже Эдуард. Она посвятила себя воспитанию единственного сына – второй ребенок четы Дзюбан скончался в младенчестве. От мамы Эдя унаследует страсть, обожание самого процесса чтения. Как Ита Абрамовна, он и в зрелом возрасте будет подвержен влиянию только что закрытого фолианта и буквально носиться с ним, переживая о том, что произошло на его страницах.

Мама, бабушка, тетя постоянно читают вслух маленькому Эде. Он, как завороженный, замирает, вслушиваясь в сказки. И постоянно требует новых. Не терпит повторов – имеет прекрасную память. Правда, спустя лет тридцать это подведет Багрицкого в стихотворении «Происхождение» – Ита Абрамовна по его прочтении проворчала, что на их столе никогда не было скисающих сливок. Кроме сказок Эдя любит легенды, предания, мифы. Он фантазирует, представляя себя пиратом или капитаном Летучего Голландца. Важничает, воображая себя безмятежным, как мудрец Акиба.

Путешественнику отказали в крове жители селения. И Акиба, приговаривая: «Всё к лучшему», заночевал в пустыне. У него были лампа, лев и осел. Лампу загасил порыв ветра. Осла и льва растерзали хищники. Ночью селение захватили кочевники и увели жителей в рабство. Заметь они свет лампы, услышь осла или льва – забрали бы и Акибу. «Всё к лучшему» – повторил странник.

На рубеже XIX–XX веков Одессу делили на город и предместье с дачами. В одном из них, на Бугаевке, Эдя проводил летние месяцы. В августе 1924-го Багрицкий посвятит Бугаевке «Детство». Сквозь бестолочь годов забьется сердце первооткрывателя. За Бугаевкой пролегала бесконечная дорога в древнюю степь, где ястреб дрожит над стогом, крыльями расплескивая зной, свистят джурбаи, свищут кулики, в ковылях таятся дрофы. В городе же с осени до весны взрослые водят гулять Эдю по Базарной улице в Александровский (ныне имени Шевченко)

парк. Там два овражка напоминают очертания Черного и Азовского морей. В них не садили деревья. Траву вытаптывали юные черноморцы. Они не играли в мяч. Они «гулялись в мяча». Так малыш усваивал неподражаемую одесскую речь. Среди игравших Эдя мог видеть старшего на 15 лет земляка и соседа по улице Владимира Жаботинского. На аллеях парка мог поравняться с младшим его на два года Валентином Катаевым с улицы Базарной, 4. Брат Валентина, Евгений, будущий соавтор Ильи Ильфа, родится на Базарной в 1903 году. А в 1902 году в Одессу из нынешнего Кировограда переедет семья трехлетнего Юрия Олеши.

Базарная улица, как повествует одесский краевед Арье Арьев, была в ту пору одна из центральных в Одессе. Там размещалась знаменитая Одесская иешива, где кроме традиционных предметов – Танаха, иврита – изучали математику, географию, немецкий. Базарная улица представляла собой своего рода выставку достижений южно-российского капитализма. На ней находились «Когановское здание дешевых квартир» и контора нововыстроенного Одесско-Днестровского водопровода. Зазывными рекламами привлекал иллюзион «XX век». Незнакомые с римскими цифрами мальчишки называли его не иначе как «Ха-Ха век». Прохожий проходил мимо вывесок широко известного ремесленного училища общества «Труд», представительства киевского издательства «Вся Россия». Товарищество Черноморского Виноделия поставляло импортные да отечественные – бессарабские, грузинские, крымские, шабские – вина, коньяки, шипучие вина собственных заводов. Рядом находились представительства табачных фирм – ростовской «Братья Коген», феодосийской «Крым», воронежской «Сычев и сыновья», продукцией которой была дерущая горло махорка. Подвалы буквально каждого дома занимали белошвейные, велосипедные, заготовочные, красильные, кузнечные, малярные, медно-литейные, портняжеские, примусные, сапожные, свечные, столярные, ювелирные и другие мастерские, прачечные, пекарни… А на первых этажах размещались магазины, лавки, склады – аптекарских товаров, кожи, красок, галантерейные, писчебумажные, топливные… Но больше всего было торговых точек «съестного профиля» – бакалейные, гастрономические, кондитерские, мясные, овощные, табачные, фруктовые магазины, винные погреба и единственная на всю улицу «монополька», где продавали разнокалиберные бутылки водки, запечатанные белым сургучом. А одних только молочных здесь насчитывалось не менее десятка.

Семья Эди поменяла несколько адресов, пока незадолго до 1917-го не обосновалась на первом этаже правого дворового флигеля в квартире № 7 на Ремесленной улице (ныне Осипова). На углу Базарной и Ремесленной в конце позапрошлого столетия процветало питейное заведение Коднера. Сюда охотно захаживал отец Эди. Он и многие его соседи коротали вечера вместе со старовещниками. Так прозвали скупщиков старых вещей из-за их беспрестанных возгласов по дворам: «Покупайм старевещ, старевещ!». С закатом солнца они приносили с собой свежие новости и последние слухи в стены обетованного трактира.

Под названием «Трактир» Багрицкий создаст в 1919–1920-м поэму – драматические сцены. В 1926-м потрактует ее дополненный вариант как опыт лиро-эпической сатиры. Фрагмент из черновиков к «Трактиру», озаглавив его «Ночь», Багрицкий разместит на третьем месте в книге «Юго-Запад» – будто указывая на значение произведения для автора. При жизни «Трактир» полностью не публиковали. В одной из рукописей архивы сохранили строки:

Не мистика, а точное познание,
Грядущего, такое ж, как когда-то
Германцы видели в косматом небе,
Нависшем над языческою рощей, —
Нам ближе, ощутимей и прекрасней,
Чем метафизика и чад свечей…

Детству Эди приходит конец в 1905 году. Мальчик застегнет сверкающие пуговицы формы-мундира, затянет пряжку на ремне, поправит фуражку с гербом «РУВЖ» и отправится в первый класс реального училища Жуковского на Херсонской улице (ныне Пастера). В 1905-м для веселых черноморских левантийцев наступила эра испытаний. Одессе, равной по жизнерадостности, ослепительности и многоязычию древним городам Леванта – государств побережья Средиземного моря, – перемены предвестит лето 1905-го. Два залпа на рейде Одессы корабельной артиллерии восставшего «Потемкина» окончились беспорядками и кровью горожан. Одесса начнет терять облик цветущего и безмятежного торгового города, четвертого по значению в Российской империи после столицы, Петербурга, Москвы и Варшавы. Во время октябрьского погрома в 1905-м погибнет несколько сотен мирных одесситов. Среди них – дедушка Бабеля, а внук его чудом спасется. Всего через несколько лет по мощенной крупным булыжником мостовой Базарной улицы станут гарцевать наездники гражданской войны.

В предсмертную свою ночь, с 15 на 16 февраля 1934 года, Багрицкий, задыхаясь от астматического припадка, прохрипит сиделке: «Какое у вас лицо хорошее – у вас, видно, было хорошее детство, а я вспоминаю свое детство и не могу вспомнить ни одного хорошего дня». Юрий Олеша в воспоминаниях о Багрицком цитирует «Происхождение»:

Стучал сазан в оконное стекло;
Конь щебетал; в ладони ястреб падал;
Плясало дерево.
И детство шло.

И размышляет о том, какое надо было иметь замечательное дарование, чтобы, вспоминая детство, в котором не было ни одного доброго дня, сказать о нем так мастерски «в чисто поэтическом смысле, в смысле применения метафоры – о коне, что он щебечет, и о дереве, что оно пляшет».

Багрицкий в ту ночь переживал утрату навсегда утерянной сказки детства. О зыбке, где его качали, большом море, бьющем с размаху в окно, о запахе кофе, муската, мускуса, вина и пота, который, подобно облаку, витал над мачтами кораблей.

«Я не узнавал нашего города, такого еще недавно легкого и беззлобного. Ненависть его наводнила, которой никогда, говорят, не знала до того метрополия мягкого нашего юга, созданная ладной и влюбленной хлопотнею, в течение века, четырех мировых рас. Вечно они ссорились и в голос ругали друг друга то жульем, то бестолочью, случалось и подраться; но за мою память не было настоящей волчьей вражды. Теперь это все переменилось, – вспоминает политик и литератор Жаботинский (1880–1940) в автобиографическом романе «Пятеро». – Исчез первый знак благоволения в человецех – исчезла южная привычка считать улицу домом. Теперь мы по улице ходили с опаской, ночью торопились и жались поближе к тени… В детстве моем еще лесом, бывало, торчали трубы и мачты во всех гаванях, когда Одесса была царицей; потом стало жиже, много жиже, но я хочу так, как было в детстве: лес, и повсюду уже перекликаются матросы, лодочники, грузчики, и если бы можно было услышать, услышал бы лучшую песню человечества: сто языков…»

В 1931 году журнал «Красная нива» печатает «Разговор с сыном». Отец, Эдуард Багрицкий, повествует своему сыну Всеволоду, как в его детство вторгается дикий вой: «Бей! Рраз!» И погром проходит рыча. Эта симфония человеконенавистничества, расовой кровной вражды, идеологического гнета будет стучать в сердце Багрицкого всю жизнь, как в сердце Тиля Уленшпигеля. Этот мотив звучал и в 1930 году, когда просходил процесс антисоветской Промпар-

тии, в стихотворении «О чем они мечтали». Багрицкий вспоминает свое детство. Пишет о торговце-погромщике, готовом к расправе. Ему недостаточно убийства. Он должен сперва душу по капельке выпустить из тела. Иные литературоведы исходят желчью. Как можно было процесс Промпартии поддерживать? И заявлять: «Семь в обойме, / Восьмой в стволе – / Должны быть нашим ответом»?

Им Багрицкий уже ответил: «Каждый солдат заранее знает, чего он хочет». Меня поражает объем рассуждений о том, кто, как и в каких подтекстах в строках Багрицкого находит его неприятие семейных, религиозных устоев. Разделяю протест российского мыслителя Петра Баренбойма. Он в 2010 году публикует книгу «Flanders in Moscow and Odessa…» («Фламандцы Москвы и Одессы…»), где осуждает косность многих современных критиков Багрицкого. Нет, Эдя растет не загнанным или несчастным ребенком. Он до десяти лет приобретает приличное домашнее образование в благополучной, пусть и не богатой, семье. Учится играть на скрипке. Получает от приходящих учителей познания фундаментальных азов музыки, изобразительного искусства. Изучает иврит. Беда в том, что Эдуард, как Тиль Уленшпигель, alter ego поэта Багрицкого, родился в неблагополучном обществе. Больном обществе, где позволено торжествовать ражим лабазникам, матерым купчинам, обезьянам из чиновников. Где свирепые охранительницы правильной идеологии, как всезнающая Галина возле батьки Махно в либретто Багрицкого к опере по «Думе…», делят мир на своих и чужих. Где правят бал мертвые души. Где нет конца «ночи Третьего отделения», ненависти властей придержащих и их лающих прислужников к инакомыслящим, как в стихотворении «Папиросный коробок» – его Багрицкий создает в 1927 году. И завершает обращением к пятилетнему сыну:

Вставай же, Всеволод, и всем володай!
Вставай под осеннее солнце!
Я знаю: ты с чистою кровью рожден,
Ты встал на пороге веселых времен!
Прими ж завещанье…

Отрочество. «Эдины штучки». Второгодник. Птицелов. 1905–1913

В реальное училище Эдя отправляется против своей воли. Родители его воспротивились порывам сына выучиться на художника. Разве это профессия? Разве она сулит прочное положение в жизни? Позже они наотрез отказывались видеть его поэтом, как не хочет этого большинство родителей на свете, справедливо полагая, что сама жизнь важнее разговоров о ней, рифмованных и нерифмованных. Для отца Багрицкого, как и для отца Есенина, поэзия была этаким пустым делом. Вместе с тем родители не стремились к тому, чтобы Эдя, подобно отцу, стал приказчиком или лавочником. Они желают для него карьеры инженера или врача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.